

На правах рукописи

СТРЕЛЬНИЦКАЯ ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

**ЭМОТИВНОСТЬ И ПЕРЕВОД:
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИЙ ПРИ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
РУССКИЙ**

Специальности: 10.02.04 – германские языки;
10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание, теория перевода

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2010

Работа выполнена на кафедре английского языкознания филологического факультета ГОУ ВПО Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: доктор филологических наук, профессор
О.В. Александрова

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ: доктор филологических наук, профессор
Г.Г. Молчанова

кандидат филологических наук, доцент

Лахно А.В.

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ГОУ ВПО Тульский Государственный Педагогический Университет им. Л.Н. Толстого

Защита состоится « _____ » _____ 2010 г. на заседании диссертационного совета Д 501.001.80 при ГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские Горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-ый учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Т.А. Комова

Реферируемая диссертация посвящена исследованию особенностей языковой передачи эмоций при переводе художественной литературы с английского языка на русский.

Выражение эмоционального состояния – одна из главных черт, отличающих художественную литературу от прочих литературных направлений. Затрагивая область нерационального восприятия, эмотивность¹ текста нацеливается в первую очередь на то, чтобы вызвать у реципиента определенную эмоциональную реакцию, психологический резонанс, и, посредством чувственного сообщения предоставить ему более яркую, отчетливую картину рациональной стороны художественного произведения, преподнести концептуальный, идеологический, эстетический замысел автора в живой и органичной форме. Таким образом осуществляется прагматическое воздействие на читателя, одна из основных функций категории эмотивности.

На протяжении последних десятилетий проблема эмотивности входит в число наиболее обсуждаемых в антропоцентрической лингвистике², однако несмотря на пристальное внимание исследователей, многие ее аспекты по-прежнему остаются дискуссионными. Так, феномен эмотивности представляется малоизученным с точки зрения контрастивной (или сравнительной) лингвистики – в частности, филологи единогласно отмечают отсутствие способа адекватной передачи эмотивного содержания высказывания и текста на иностранный язык³. Последнее обстоятельство во

¹ Под эмотивностью в работе понимается как «имманентно присущее языку семантическое свойство выразить системой своих средств эмоциональность как факт психики», так и «отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» (определение В.И. Шаховского, см. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка – Воронеж, 1987).

² См., например: Caffi C., Janney R. Toward a Pragmatics of Emotive Communication // *Journal of Pragmatics*. – v. 22. – 1994. – P. 325-373; Volek B. Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. – Amsterdam – Philadelphia, 1987; Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) // *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности*. АН СССР. Институт языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 114-136.; Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности*. АН СССР. Институт языкознания. – М.: Наука, 1991 – С. 5-35.

³ См., например: Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М., 1977; Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М., 1973; Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-

многим объясняет тот факт, что перевод художественной литературы всегда считался одним из самых сложных, наиболее подверженных «потерям» видов переводческой деятельности.

Однако при всех сложностях и неизбежных потерях перевода нельзя не признать того, что плоды труда переводчиков художественной литературы издавна служили и продолжают служить ведущим средством культурного сообщения между нациями, фундаментом их взаимного духовного обогащения. Работа переводчиков в современном мире и упростилась и усложнилась по сравнению с прошлым. С одной стороны, международное взаимопроникновение информационных сфер способствует более свободному языковому заимствованию, что, безусловно, облегчает процесс перевода. С другой стороны, сегодняшние темпы культурного развития во всем мире таковы, что языки просто не успевают обновлять друг друга. Кроме того, в результате охватившей мир информационной революции меняются и общепринятые каноны оформления художественного текста, в том числе (и в особенности) преобразуются нормы эмоционального выражения в литературе.

Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день в сфере перевода художественной литературы – в частности, перевода многочисленных произведений современных английских и американских писателей на русский язык – требует выведения закономерностей обращения с языком, характерных для качественных переводов, и разработки неких общих правил, на которые переводчики могли бы ориентироваться, сталкиваясь с «труднопереводимыми» элементами.

В связи с этим, **целью** данной работы является установление лексических и синтаксических средств адекватной передачи описаний и выражений эмоционального состояния при художественном переводе

произведений современных англоязычных писателей на русский язык. В соответствии с обозначенной целью были поставлены следующие **задачи**:

- выявить лексические и синтаксические средства эмоционального выражения, общие для русского и английского языков;
- определить лексические и синтаксические средства эмоционального выражения, свойственные английскому языку, но не свойственные (или в меньшей степени свойственные) русскому;
- изучить лексические и синтаксические средства эмоционального выражения, свойственные русскому языку, но не свойственные (или в меньшей степени свойственные) английскому;
- определить степень взаимозаменяемости лексических и синтаксических средств эмотивности, общих для двух языков, с точки зрения адекватности перевода;
- выявить лексические и синтаксические средства эмотивности английского языка, наиболее подверженные трансформациям при переводе на русский;
- установить лексические и синтаксические средства эмотивности русского языка, наиболее часто и успешно применяемые в качестве материала для трансформаций при переводе описаний эмоциональных состояний с английского языка на русский;
- выяснить потенциальные лексические и синтаксические способы усовершенствования перевода описаний эмоциональных состояний с английского языка на русский.

Объектом исследования выступают художественные тексты современных англоязычных авторов, содержащие эмотивные аспекты, и их официально изданные переводы на русский язык.

Предметом исследования являются лексические и синтаксические средства адекватной передачи на русском языке эмотивной информации, содержащейся в анализируемых англоязычных текстах.

Актуальность работы определяется необходимостью более углубленного изучения категории эмотивности в практическом аспекте, в частности в применении к работе с текстом при его интерпретации на другом языке. Актуальность исследования обуславливается также активным развитием межкультурной и межъязыковой коммуникации, вследствие которого повышается важность дальнейших исследований в области теории и практики перевода, в частности интегрирования в них теоретических данных и практических навыков, полученных при изучении категории эмотивности, что представляется особенно значимым для сферы художественного перевода и до сих пор не было предметом специального рассмотрения.

Научная новизна работы состоит в том, что проводится сравнительный анализ средств эмотивности английского и русского языков на лексическом и синтаксическом уровнях, определяются и классифицируются лексические и синтаксические средства передачи эмоционального состояния как общие для двух языков, так и индивидуальные для каждого языка. В ходе исследования устанавливается степень взаимозаменяемости общих для двух языков средств эмотивности при художественном переводе с английского на русский и изучаются возможности и способы компенсации индивидуальных эмотивных компонентов одного языка индивидуальными эмотивными компонентами другого.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что явление текстовой эмотивности рассматривается с точки зрения сравнительного языкознания в общем и теории перевода в частности, расширяются рамки лексикологического аспекта лингвистики эмоций за счет выявления контекстуально обусловленного эмотивного потенциала нейтральной лексики, отражается тесная взаимосвязь лексического и синтаксического пластов языка в процессе формирования эмотивного содержания текста. В исследовании обосновывается и наглядно

демонстрируется неравнозначность понятий эквивалентности и адекватности перевода.

Практическая ценность исследования определяется возможностью применения содержащихся в нем результатов в практике художественного перевода, в практике преподавания методики перевода (в частности, обучения адекватному переводческому подходу к «труднопереводимым» языковым элементам: фразеологизмам, авторским неологизмам и окказионализмам, оборотам, построенным на игре слов и т.п.), в разработке дидактических пособий по теории и практике перевода, в практике преподавания английского языка на старших курсах вузов, на практических и семинарских занятиях, в спецкурсах.

Методологической основой диссертации послужили научно обоснованные и ассимилированные современной лингвистикой теоретические положения, относящиеся к сфере исследования текстовой эмотивности и к области теории и практики перевода. Главным критерием отнесения анализируемых текстовых фрагментов к эмотивным выступает их соответствие определению, предлагаемому основателем российской школы эмотивности, В.И. Шаховским: «Эмотивный текст – высказывание устное/письменное в пределах одного и более предложений, эмоционально описывающее действительность или передающее наряду с фактуальной также и эмоциональную информацию (или только ее) с помощью минимум одного эмотивного средства, выражающего определенную эмоцию, более или менее адекватно осознаваемую всеми коммуникантами данной ситуации»⁴. В качестве эмотива, также вслед за В.И. Шаховским, в работе расценивается любая «языковая единица, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального

⁴ Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка – Воронеж, 1987

отношения/состояния говорящего»⁵; к эмотивным же средствам относятся также и перечисляемые в кандидатской диссертации С.В. Ионовой синтаксические, морфологические и фонетические элементы, такие как суффиксы субъективного отношения, просодия (в письменном тексте выражаемая пунктуационными знаками) коммуникативные типы высказывания, различные виды инверсии⁶ и т.п. Настоящее исследование концентрируется на лексических и синтаксических эмотивных средствах, поскольку основные средства эмотивности, рассматриваемые исследователями на других уровнях (а именно, фонетическом и морфологическом), могут быть в условиях письменного текста отнесены к двум первым (так, просодия (фонетическое средство) в письменном тексте как правило отображается с помощью пунктуационных знаков, следовательно, может анализироваться на уровне синтаксиса; суффиксы субъективного отношения (морфологическое средство) являются частью лексических единиц, т.е. могут рассматриваться как модификации таковых и т.п.). В основу исследования также лег принцип контекстуальной обусловленности эмотивного заряда, или наличия у любого нейтрального слова коннотационного эмотивного потенциала, реализуемого контекстом – сформулированный В.И. Шаховским принцип наведения эмотивных сем.

В рамках теории перевода диссертация базируется на предложенной В.Н. Комиссаровым концепции художественного перевода как вида переводческой деятельности, основная задача которого состоит в порождении на языке перевода речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода, что предопределяет отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода⁷. Это положение обуславливает два других взаимосвязанных принципа, лежащих в основе данного исследования: принцип необходимости переводческих

⁵ Шаховский В.И. Указ. соч.

⁶ ИONOBA C.B. Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Дис. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 1998.

⁷ Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) – М., 1990.

трансформаций и принцип функциональных соответствий как основы лингвистического подхода к тексту при переводе.

Материалом исследования послужили произведения англоязычных писателей второй половины XX – начала XXI века. Анализу подверглись прозаические произведения таких британских и американских авторов как Джон Фаулз, Джулиан Барнс, Иэн Макьюэн, Ник Хорнби, Стивен Фрай, Тибор Фишер, Джон Ирвинг, Стивен Кинг, Ирвин Шоу, Джордж Оруэлл и т.д. (в общей сложности более тридцати произведений) и их переводы на русский язык. В целях максимально полного и объективного выявления общих тенденций, характерных для современной англоязычной прозы и ее русскоязычных переводов, в исследовании делается акцент на разнообразие и контрастность жанров анализируемой литературы: в работе представлены произведения, относящиеся к жанру философского романа, психологического романа, исторического романа, авантюрного романа, научной фантастики, утопии, фантазмагии, молодежного «слэнгового» романа и т.п.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в четырех публикациях общим объемом 1,8 печатных листа. Результаты проведенного анализа были доложены и обсуждены на заседаниях кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2009-2010) и на международной конференции «Ломоносов-2009» (Москва, филологический факультет МГУ, 2009).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Наиболее ярко выраженной особенностью перевода эмотивных элементов английских художественных текстов на русский представляется **детальность, развернутость русской фразы по сравнению с английской.**

2. Среди типичных **лексических** средств эмотивности, подверженных расширенному, детализированному переводу с английского на русский можно выделить: фразовые глаголы; авторские неологизмы.

3. Среди потенциальных средств усовершенствования художественного перевода с английского на русский на **лексическом** уровне можно выделить:

- возможное «следование» за английской краткой и емкой фразой – более смелое сокращение, «обрубание» русской фразы – в тех случаях, когда это согласуется с синтаксическими нормами построения русского предложения, не искажает смысл и не снижает степень выраженности эмотивной тональности;

- более гибкое, творческое отношение к русскому языку – более смелое введение неологизмов в русскую фразу (в первую очередь при переводе экспериментальной литературы – фантастики, «молодежных» романов и т.п.).

4. Среди типичных **синтаксических** средств эмотивности, подверженных расширенному, детализированному переводу с английского на русский можно выделить различные виды инверсии.

5. Среди **синтаксических** средств эмотивности, распространенных в русском языке, но не свойственных английскому языку, успешно применяемыми в целях интенсификации выраженности эмотивной тональности при переводе с английского, представляются: специализированные безличные конструкции со значением физического и эмоционального состояния, основанные на использовании глаголов страдательного залога и предикатов эмоционального состояния; эллипсис подлежащего.

Данные средства могут также считаться потенциальными приемами усовершенствования перевода с английского на русский.

Цель и задачи исследования обусловили **структуру работы**. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы, списка текстов, послуживших материалом исследования, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, обосновываются его актуальность и научная новизна, излагается теоретическая основа, дается краткая характеристика материала, описывается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Эмотивность как текстовое воплощение эмоциональности и как лингвистическая проблема» рассматриваются теоретические вопросы, связанные с понятием эмотивности – эмотивность анализируется как языковое явление и неотъемлемое свойство любого развитого языка. С этой целью в §1 приводится краткий обзор основных концепций эмоциональности – ядра эмотивности и одного из центральных объектов изучения антропоцентрических дисциплин. Далее эмотивность анализируется с точки зрения современного языкознания – феномен эмотивности рассматривается как базовый компонент прагматики языка, определяются общетеоретические положения и актуальные вопросы изучения эмотивной семантики, описываются основные подходы к определению и анализу категории эмотивности. В этой главе явление эмотивности рассматривается также в соотношении со смежными категориями, такими как экспрессивность, модальность и оценочность, обсуждаются уровни эмотивности слова и текста, перечисляются составляющие эмотивного фонда языка на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Во второй главе «Художественный перевод как вид переводческой деятельности» раскрываются теоретические и практические особенности перевода художественной литературы: сопоставляются понятия эквивалентности и адекватности перевода, обсуждается проблема «переводимости», затрагивается вопрос межъязыковых соответствий, приводятся основные типологии переводческих трансформаций. Отдельно рассматривается явление экспрессивной конкретизации при переводе на русский язык, особенности передачи модальности при переводе и особенности перевода фразеологических единиц.

В третьей главе «Лексические средства эмотивности и особенности их применения при переводе с английского на русский» на примерах оригиналов и переводов на русский язык эмотивных текстовых фрагментов из произведений современных англоязычных писателей рассматриваются лексические средства эмотивности и особенности их использования при переводе с одного языка на другой.

Проведенное исследование показало, что наиболее подверженными «сложным» переводческим преобразованиям (в частности модуляции – замене словарного соответствия контекстуальным, логически связанным с ним)⁸, а, следовательно, наиболее интересными с точки зрения перевода являются слова с эмотивной семантикой в статусе созначения (или коннотации) (некоторые фразеологизмы, метафоры, авторские неологизмы/окказионализмы и т.п.), а также лексические единицы представляющие эмоцию косвенно, путем ее описания – т.е. контекстуальные ЭМОТИВЫ.

По результатам исследования, основная тенденция, прослеживающаяся при сравнении англоязычных оригиналов и русскоязычных переводов на уровне лексики состоит в развернутости и конкретности (или эксплицитности) русскоязычных высказываний по сравнению компактностью и емкостью (краткостью) англоязычных высказываний. При этом в исследовании учитывается явление эксплицитности как переводческая «универсалия»⁹, так как для сравнения проводится также сопоставление ряда переводов русскоязычных текстов на английский с их оригиналами, и в

⁸ В основу исследования легла классификация переводческих трансформаций, предлагаемая В.Н. Комиссаровым (см. [Комиссаров В.Н. Указ. соч.](#)).

⁹ Эксплицитность (explicitation) – одна из переводческих «универсалий», категория, подразумевающая развернутость, расширенность и «разъясненность» любого перевода по сравнению с любым оригиналом. К основным переводческим «универсалиям» исследователи также относят упрощение (“simplification”), «стремление избегать повторов» (“avoidance of repetitions”), нормализацию (“normalization”) и «нейтрализацию» (“levelling out”), т.е. стилистическую сглаженность текста, отказ от ярких стилистически маркированных слов. См., в частности: [Touy G. The Nature and Role of Norms in Literary Translation. – 1978. – p. 83-100](#); [Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies. Implications and Applications // Text and Technology: In honor of John Sinclair. – Amsterdam, 1993. – p. 233-250](#); [Kenny D. Lexis and Creativity in Translation. A Corpus-based Study. – 2001](#). Следует, однако, отметить, что при непосредственном сопоставлении оригиналов и переводов справедливость некоторых из этих положений в полной мере не подтверждается (в частности, «нейтрализация» – см., например: [Натитник А.В. Творческое использование языка и его границы в переводе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006](#)).

случае последних эксплицитность текста перевода по сравнению с текстом оригинала наблюдается в значительно меньшей степени, чем в случае перевода англоязычных текстов на русский (в целях удобства наблюдения эксплицитность предлагается «измерять» в количестве используемых автором и переводчиком лексических единиц):

а) перевод с английского на русский:

Mouth confirmed eyes. (J. Fowles. The Magus) (1 лексическая единица)

Губы повторили то, что читалось в глазах. (Пер. Б. Кузьминского) (4 лексические единицы).

б) перевод с русского на английский:

[Доктор] вышел из комнаты, как в воду опущенный, с чувством недоброго предзнаменования. (Б. Пастернак. Доктор Живаго) (4 лексические единицы + 2 лексические единицы)

... He [the doctor] went out of the room depressed, with a feeling of foreboding. (Transl. M. Hayward, M. Harari) (1 лексическая единицы + 1 лексическая единица).

Это явление объясняется принципиально различным подходом к преподнесению информации в двух языках: русский язык, по наблюдениям многих исследователей, стремится к максимальной ясности изложения, не допускает недоговоренностей¹⁰. Английский же как бы «предполагает», что некоторые образы слишком красноречивы для того, чтобы дополнительно их разъяснять, а говорящие обладают достаточным жизненным опытом и эмоциональной восприимчивостью, чтобы мгновенно выстроить в сознании нужную ассоциацию. То есть, английский язык, в отличие от русского, в основном «опирается» на контекст, а не на максимальную ясность отдельно взятой лексической единицы. Это свойство английского языка весьма часто отражается в произведениях англоязычных авторов и в большинстве случаев сталкивается с пояснением или «детализацией» при переводе на русский.

¹⁰ См., например: Кузьмин С.С. Идиоматический перевод с русского языка на английский (теория и практика) – М., 2007.

Зачастую компактные английские оригиналы выигрывают в художественном отношении по сравнению с многословными переводами на русский. Примером могут служить многочисленные фрагменты англоязычного оригинала романа В.В. Набокова «Лолита» и выполненного им самим перевода этого романа:

Upon hearing her first morning yawn, I feigned handsome profiled sleep. (V. Nabokov. Lolita)

Услышав ее первый утренний зевок, я изобразил спящего, красивым профилем обращенного к ней. (Пер. В. Набокова).

В английском варианте слова “handsome profile” употребляются в адъективной роли посредством присоединения к существительному “profile” окончания –ed, и определяют существительное «sleep». В русском выражение «изобразил красиво-профильный сон» звучало бы надуманно и неуклюже, поэтому автору приходится расширить описание, включая в него слова «спящего» и «обращенного к ней». За счет своей компактности английское предложение звучит более выразительно и остроумно, чем русское.

Еще более показателен следующий пример:

... I especially remember one wry face on an “ugh!” basis... (V. Nabokov. Lolita)

... мне особенно памятна одна такая ужимочка, основанная на подразумеваемом звуке «Ы!»... (Пер. В. Набокова)

В этом случае преимущество гибкости и емкости английского языка проявляется особенно ярко – фраза «гримаска на основе «Ы!»» вряд ли была бы допустима в русском повествовании. При этом громоздкие слова «основанная на подразумеваемом звуке «Ы!»» почти полностью убивают непринужденную иронию фразы Гумберта Гумберта, подтрунивающего над манерой Лолиты выражать свои эмоции, делают предложение наукообразным.

Из широкого разнообразия факторов, обслуживающих тенденцию эсплицитности русского эмотивного высказывания по сравнению с

английским, в работе выделяется несколько наиболее репрезентативных закономерностей.

Отмечается широко распространенное использование англоязычными авторами фразовых глаголов (которые в исследовании предлагается относить к своеобразной «компактной фразеологии») для построения эмотивных высказываний и развернутый перевод этих лексических единиц на русский. В двух нижеследующих примерах переводчики сталкиваются с распространенным английским фразовым глаголом “to warm to sb”, который, в отличие от многих других эмотивных фразовых глаголов имеет лишь одно значение – “to begin to like sb”¹¹ («начать испытывать симпатию к кому-либо»):

And then [...] because she warmed to Lola and wanted to draw her closer – Briony told her about meeting Robbie on the bridge... (I. McEwan. Atonement)

А потом [...] потому, что испытывала теперь теплые чувства к Лоле и хотела сблизиться с ней, - Брайони поведала о встрече с Робби на мосту... (Пер. И. Дорониной);

... I never really warmed to Clovis ... (W. Boyd. Brazzaville Beach)

Я никогда не питала особой нежности к Кловису ... (Пер. Е. Дунаевской).

И. Дорониная и В. Дунаевская по-разному переводят этот оборот, но обеим переводчицам приходится расширить высказывание.

Англоязычные писатели довольно часто экспериментируют с фразовыми глаголами, смело вводя новые, авторские формы – в таких случаях тенденция русскоязычных переводчиков к «пояснению» и «расширению» проявляется особенно ярко:

The things that impressed me were his genius in talking the clothes off females and his unremitting reading. (T. Fisher. The Thought Gang)

¹¹ A. P. Cowie & R. Mackin. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs. – Oxford, 1993.

Наибольшее впечатление на меня производили его талант заговаривать женщин до состояния, когда они начинали срывать с себя тряпки одну за другой, пока не оставались в чем мать родила, и его ненасытная способность читать. (Пер. А. Нестерова).

В ходе исследования выделяется несколько наиболее распространенных типов «расширяющего» и «разъясняющего» перевода фразовых глаголов на русский язык.

В первую очередь следует отметить замену одного английского фразового глагола двумя, или несколькими, русскими глаголами:

People wear away from each other. (I. Shaw. Evening In Byzantium)

Люди иногда надоедают друг другу. И расходятся. (Пер. Т. Перцевой).

В данном случае, помимо разбивания одного английского глагола на два русских переводчик также довольно удачно использует прием членения предложения¹².

Для передачи эмоций в англоязычных текстах очень характерен тип фразовых глаголов, построенных по схеме “to (verb) smb. into/out of smth./doing smth”. Фразовые глаголы этого типа наиболее часто переводятся на русский двумя/несколькими глаголами (или двумя/несколькими грамматическими основами):

Then I thought that perhaps I could frighten Pyle into inactivity by warning him of his danger ... (G. Greene. The Quiet American)

Потом я подумал, что, может быть, мне удастся припугнуть Пайла и заставить его все бросить, предупредив, что ему грозит опасность ... (Пер. Р. Райт-Ковалевой).

Важно упомянуть, что фразовые глаголы, используемые англоязычными авторами для выражения эмоций своих персонажей, довольно часто и, как правило, весьма удачно интерпретируются

¹² Одна из «классических» переводческих трансформаций, перечисляемых В.Н. Комиссаровым. См. Комиссаров В.Н. Указ. соч.

русскоязычными переводчиками посредством развернутых фразеологических оборотов и разговорных выражений, а также «детализированных» метафор, растолковывающих и локализующих смысл емких, но слишком размытых с точки зрения русского языка фразовых глаголов. Обычно такой перевод эмотивных фразовых глаголов представляется весьма выразительным и по степени выраженности эмотивной тональности¹³ зачастую даже превосходит оригинал:

She tried to bluff her way out again, cold as ice she was, but I wasn't having any. (J. Fowles. The Collector)

Опять попыталась взять меня на пушку, и так это холодно со мной, прямо ледышка; ну да я ухом не повел. (Пер. И. Бессмертной).

Еще одним значительным фактором, обслуживающим компактность английского эмотивного высказывания по сравнению с русским и «расширяющим» русское высказывание по сравнению с английским является выраженная склонность современных английских и американских авторов к эмотивной номинации – т.е. к генерации авторских эмотивных неологизмов.

При сопоставлении многих англоязычных текстов с их переводами на русский язык напрашивается вывод, что морфологическая либеральность английского языка играет на руку англоязычным писателям. Благодаря авторским неологизмам английские фразы выглядят гораздо более емкими и образными по сравнению с их детализированными переводами на русский:

My theory is that I have to unmartyr him. (J. Fowles. The Collector)

Придумала гениальную теорию: я должна помочь ему перестать считать себя мучеником. (Пер. И. Бессмертной).

Временами русскоязычным переводчикам удается трактовать английский авторский неологизм без значительного удлинения текста, однако яркая образность и высокая степень выраженности эмотивной

¹³ По определению, приводимому в диссертационном исследовании С.В. Ионовой, эмотивная тональность есть «вид субъективной модальности в тексте, проявляющийся в выражении эмоционального состояния говорящего, его эмоционального отношения к фактам речи или в оказании эмоционального воздействия на адресата». См. [Ионова С.В. Указ. соч.](#)

тональности подлинника, созданная благодаря неологизму, при переводе теряется:

‘Daniel!’ I exploded. “That’s the most appalling sexist, fattist, cynical thing I’ve ever heard.” (H. Fielding. Bridget Jones’s Diary)

– Даниел! – выпалила я. Это самые отвратительные из всех пошлых, мерзких, циничных слов, которые я когда-либо слышала. (Пер. А. Москвичевой).

Иронический тон всей книги «Дневник Бриджит Джонс» и игривая «агрессивность» конкретно этого высказывания явно подталкивает переводчика к словотворчеству. Бриджит злится на Дэниела за то, что тот постоянно подтрунивает над ее «комплексам» по поводу собственной склонности к полноте. Данную тираду она обрушивает на своего возлюбленного после того, как тот насмешливо рекомендует ей «способ» навсегда покончить с полнотой. Дэниел предлагает Бриджит никогда больше не есть за свой счет и ходить в рестораны только за счет поклонников мужского пола. *Fattist* – неологизм, построенный по аналогии с “sexist”, “racist” и т.п. и означающий что-то вроде «дискриминации по признаку жирности» – Бриджит намекает на то, что Дэниел презирает женщин, склонных к полноте, и считает их достойными осмеяния. В переводе теряется не только юмор, создаваемый самим неологизмом, но и «каламбурность» сочетания *sexist, fattist*, поскольку слово “sexist” тоже интерпретируется на русском весьма размыто.

Существует и обратная тенденция: иногда именно за счет значительного расширения высказывания при интерпретации неологизма переводчику удается почти полностью компенсировать в русской версии степень выраженности эмотивной тональности, придаваемую неологизмом оригиналу (обычно это достигается за счет искусного введения переводчиком в русский текст идиоматического выражения или другого стилистического приема):

The goat cheese that Hubert had been raving about, and that I had fancied for breakfast had mostly gone, apparently rodented away. (T. Fisher The Thought Gang)

Козий сыр, заставлявший Юбера клокотать от негодования и вызывавшей во мне сладостное предвкушение завтрака, пошел псу под хвост – вернее, под хвосты изрядно потрудившихся над ним крыс. (Пер. А. Нестерова).

Компактность и выразительность английских текстов наиболее отчетливо проявляется, когда в качестве средства эмотивной номинации авторами оригиналов задействуется конверсия и интеграция словосочетания в сложнопроизводный эмотив (последнее также может считаться проявлением конверсии на уровне словосочетания или «фразовой конверсией»):

конверсия:

So I Nureyeved the front steps. (J. Barnes. Talking it Over)

Затем я легко, как Нуриев, вспорхнул по ступеням крыльца. (Пер. И. Бернштейн);

интеграция словосочетания в сложнопроизводный эмотив:

It had been a very did-not sort of day for the poor girl, who had had only aunt Tranter to show her displeasure to. (J. Fowles. The French Lieutenant's Woman)

Бедняжка, которую в этот день преследовали всевозможные «не», могла выместить свое дурное настроение на одной лишь тете Трэнтер. (Пер. М. Беккер).

В последние годы наметилась четко выраженная переводческая тенденция в отношении случаев адъективизации словосочетаний – самого распространенного вида «фразовой конверсии» в англоязычной литературе. Имея дело с такими фразами, переводчики значительно удлиняют русское предложение по сравнению с английским, давая развернутый описательный перевод и часто вводя в текст кавычки: «подмигнул, будто намекая на...»,

«развел руками, словно хотел сказать, «...»», «рассмеялся натянутым смехом, в котором слышалось: «...»» и т.п.:

*And she gave him her stupid listen-to-me laugh. (J. Fowles. *The Collector*)*

И она издала глупенький смешок, словно бы говоря: «Ах, послушать только, что я такое мелю!» (Пер. И. Бессмертной).

Однако среди нового поколения переводчиков распространилась и другая тенденция: нередко, «вдохновляемые» емким и выразительным англоязычным оригиналом, переводчики начинают смелее обращаться с русским языком и переводят неологизмы неологизмами, чаще всего прибегая в таких случаях к калькированию:

*Adrift in this haze of anticipation, I had already felt within myself the first movings of that shapeless animal which still, on these Padmaless nights, champs and scratches in my stomach ... (S. Rushdie. *Midnight's Children*)*

Плавая в этом мареве предвещаний, я уже чувствовал внутри первые толчки того бестелесного зверя, который и сейчас, в эти «обеспадмевшие» ночи, гавкает и скребется у меня в животе ... (Пер. А. Мирюловой).

Надо отметить, что замена авторских неологизмов переводческими неологизмами на языке перевода в большей степени характерна для перевода специфической эпатажной литературы, отличающейся нетрадиционным стилем повествования и (как правило) фантастическим или фантазмагорическим сюжетом (Т. Фишер, С. Фрай, У. Селф и т.п.), а также для «неформальной» литературы, описывающей взаимоотношения в молодежных «тусовках» (М. Эмис, И. Уэлш, Х. Селби и т.п.). Интерпретация авторских неологизмов общеупотребительными словами или выражениями на ПЯ чаще прослеживается в переводе произведений более консервативных современных авторов, предпочитающих реалистические сюжеты (Дж. Фаулз, И. Макьюэн, Дж. Барнз, У. Бойд и т.п.).

В четвертой главе «Синтаксические средства эмотивности и особенности их применения при переводе с английского на русский» на примерах оригиналов и переводов на русский язык эмотивных текстовых

фрагментов из произведений современных англоязычных писателей рассматриваются синтаксические средства эмотивности и особенности их использования при переводе с одного языка на другой.

В исследовании было продемонстрировано, что помимо ряда синтаксических средств эмотивности, общих для английского и русского языков (таких как различные виды повторов, парцелированные конструкции, некоторые разновидности эллипсиса и т.п.), каждый из двух языков располагает «индивидуальным» набором эмотивных синтаксических приемов, не распространенных, или менее ярко проявляющихся в другом языке. В то время как синтаксические структуры, общие для двух языков, в подавляющем большинстве случаев не вызывают никаких сложностей при переводе и обычно просто «копируются» из исходного языка в язык перевода, индивидуальные синтаксические средства английского языка оказываются наиболее подверженными переводческим трансформациям при интерпретации англоязычных художественных текстов на русском. Индивидуальные же синтаксические средства русского языка в тех же условиях сами зачастую служат проявлением удачно примененной переводческой трансформации (к примеру, грамматической замены).

По результатам исследования, «индивидуальный» эмотивный синтаксис английского языка представлен, в первую очередь, различными видами инверсии. Нелепо было бы утверждать, что данное средство эмотивности абсолютно отсутствует в синтаксисе русского языка – достаточно сравнить предложение «И ты останешься дома» (прямой порядок слов) с предложением «И останешься ты дома» (инверсия сказуемого; эмоционально нагруженный элемент – «дома»), чтобы убедиться, что не только в английском, но и в русском языке изменение порядка слов может превратить нейтральное высказывание в эмотивно окрашенное. Однако не следует забывать о том, что в английском, как в языке аналитическом, на инверсию падает заметно больший эмотивный акцент, чем в синтетическом русском, где порядок слов играет гораздо менее значительную роль. Если

русскому высказыванию нарушение порядка слов может как придать эмотивную окраску, так и не придать оной (в зависимости от контекста и общего стиля повествования), то в английском высказывании инверсия практически всегда маркирует определенное эмоциональное наполнение. Помимо общих случаев эмотивной инверсии в исследовании особо рассматриваются два специфических вида эмотивного изменения порядка слов, характерных исключительно для английского языка: конструкции, где начальное место в предложении, т.е. место подлежащего, занимает наречие «there», а подлежащее, следуя за сказуемым, передает некую эмоционально или фактически значимую информацию¹⁴; а также построение отрицательного предложения без вспомогательного глагола, при котором отрицательная частица помещается в постпозицию по отношению к сказуемому.

В ходе исследования было отмечено, что there-конструкция служит для описания двух противоположных по своей природе эмоциональных состояний: резкого изменения состояния героя, или состояния, вызванного неожиданным изменением обстановки; а также стабильного, зачастую навязчивого состояния, или состояния вызванного устойчивым обстоятельством, неизменность которого либо угнетает героя, либо, наоборот, доставляет ему удовольствие.

Исходя из вышесказанного, при переводе художественной литературы с английского языка на русский возникает необходимость переводческого восполнения эмотивного эффекта, создаваемого инвертированными конструкциями в оригинальном тексте. Следует подчеркнуть, что хотя инвертированные высказывания на языке оригинала нередко переводятся инвертированными высказываниями на языке перевода, это обстоятельство отнюдь не является закономерным, кроме того, введение инверсии в русское

¹⁴ Определение О.В. Александровой и Т.А. Комовой – см. [Александрова О.В., Комова Т.А. Современный английский язык: морфология и синтаксис. Modern English Grammar: Morphology and Syntax. – М., 1998.](#)

предложение далеко не всегда в полной мере компенсирует эмотивный эффект инверсии английского высказывания.

Логично было бы предположить, что компенсация эмотивного эффекта английской инверсии осуществляется за счет введения в переводной текст дополнительных средств эмотивности, имеющих в русском языке больший «вес», чем изменение порядка слов. В ходе исследования был выявлен ряд наиболее распространенных средств, применяемых русскоязычными переводчиками для восполнения эффекта английской эмотивной инверсии на языке перевода. Было установлено, что это, в основном, лексические средства:

- введение в переводную версию инвертированного высказывания фразеологизмов и идиоматических сочетаний:

Why he should still want to delay, still throw up these last obstacles, I couldn't imagine. (J. Fowles. *The Magus*)

Но чего он теперь-то тянет, зачем ставит нам палки в колеса? (Пер. Б. Кузьминского);

- замена нейтрального глагола исходного языка эмотивным глаголом языка перевода:

As if responding to this impassioned cry, there now came an answering, but far deeper vocalization from the darkness of the surrounding jungle. (W. Self. *Great Apes*)

Словно в ответ на сей страстный рев из темноты окружающего леса грянул ответный крик, крик гораздо более низкий. (Пер. И. Свердлова);

- всевозможные, зависящие от контекста виды расширения высказывания – различные усилительные обороты, уточнения:

“What are you going to do today?” Infuriatingly, she picked up a croissant and took a small bite out of it. (I. Show. *Evening in Byzantium*)

– А чем вы собираетесь заняться сегодня? – как ни в чем не бывало поинтересовалась она и, словно назло, с вызывающим видом надкусила круассан. (Пер. Т. Перцевой);

- для there-конструкции, маркирующей резкое изменение состояния героя, или состояние, вызванное неожиданным изменением обстановки – введение в высказывание на языке перевода наречий и идиом, традиционно выражающих внезапность («вдруг», «внезапно», «неожиданно», «ни с того, ни с сего» и т.п.):

There came to Leonard an image of Maria walking away from him too, across the rough ground. (I. McEwan. The Innocent)

Леонарду вдруг почудилось, что вместе с ученым по вытоптанной площадке от него удаляется и Мария. (Пер. В. Бабкова).

Как уже упоминалось выше, фонд эмотивного синтаксиса русского языка тоже располагает рядом средств, не представленных в английском языке и могущих, таким образом, служить материалом для переводческого восполнения английских лексических и синтаксических приемов, отсутствующих, или менее распространенных в русском. В рамках данной работы рассматриваются два таких явления: специализированные безличные конструкции со значением физического и эмоционального состояния, основанные на использовании глаголов страдательного залога и предикатов эмоционального состояния; а также эллиптические конструкции с отсутствующим подлежащим.

В ходе исследования отмечено, что безличные конструкции со значением эмоционального состояния являются весьма эффективным средством передачи чувства одиночества, тоски, печали, неуверенности и т.п. Переводчики художественной литературы широко применяют этот прием, благодаря чему переведенное русское предложение нередко приобретает более живое и «теплое» звучание, чем оригинальное английское:

He usually lost, and she was so good at arguing that he felt good about losing. (N. Hornby. About a Boy)

Обычно он эти споры проигрывал, но она так здорово спорила, что ему даже не было обидно. (Пер. К. Чумаковой).

Н. Хорнби использует для выражения эмоций Маркуса, которому никогда не удавалось победить в споре свою маму, оборот “to feel good about something” («чувствовать моральное удовлетворение по поводу чего-либо»), форма которого допускает употребление только в действительном залоге. В переводе К. Чумакова заменяет действительный залог страдательным в сочетании с предикатом эмоционального состояния и вместо утверждения использует отрицание «ему не было обидно», чем придает русской фразе настроение ранимости и незащитности, не столь ярко выраженное в оригинале. Ранимость и незащитность – основные качества маленького изгоя Маркуса, и в данном предложении русский язык более отчетливо рисует этот образ, нежели английский.

Про эллиптические конструкции с отсутствующим подлежащим можно сказать, что этот значительно менее распространенный в английском языке, чем в русском, прием, при всей своей видимой простоте не только высокоэффективен с точки зрения повышения степени выраженности эмотивной тональности, но имеет тенденцию придавать повествованию живость и определенную стилистическую «зрелость». Данная конструкция представляется оптимальным средством репрезентации целого ряда состояний, общая черта которых – эмоциональное напряжение (тревога, смущение, озабоченность, неловкость, смятение, страх, стыд и т.п.):

*He stood up and lit the candle. Then he disappeared. (J. Fowles. *The Magus*)*

Встал, зажег свечу. Растворился во тьме. (Пер. Б. Кузьминского)

Сумрачная таинственность, окутывающая фигуру мистификатора Кончиса, успешнее передается эллиптической структурой русских высказываний, их краткостью и ощущением некоторой недосказанности, чем формально полной структурой английских предложений.

В Заключении подводятся итоги проведенного исследования и обобщаются основные результаты работы, которые могут быть кратко сформулированы следующим образом:

1. В данной диссертации были рассмотрены лексические и синтаксические средства репрезентации эмоционального состояния в современной англоязычной прозе с точки зрения художественного перевода с английского языка на русский. При сопоставлении английских и американских эмотивных текстовых фрагментов с их официально изданными переводами на русский прослеживается ряд закономерностей, определяющий отношение последних к первым. Так, на лексическом уровне русскоязычные переводы обнаруживают тенденцию к более подробному, многословному изложению эмоционально нагруженной информации, чем англоязычные подлинники; на синтаксическом уровне обнаруживаются как расширения текста перевода, обусловленные восполнением английских средств эмотивности, имеющих меньший «вес» в русском, так и отдельные сужения текста перевода, объясняемые искусным использованием переводчиками русских средств эмотивности, нераспространенных в английском.

2. Рассуждая о потенциальных способах усовершенствования художественного перевода эмоционально нагруженных текстов, на основании сделанных наблюдений можно отметить по возможности более гибкое и смелое отношение к русскому языку. К примеру, русскоязычным переводчикам рекомендуется взять на вооружение английский принцип компрессирования фраз: контекст нередко приходит на помощь и вносит достаточную ясность не только в английское, но и в русское повествование, а чрезмерная словарная перегруженность не идет на пользу эмотивным высказываниям, где крайне важна компактная образность и немногословность. Кроме того, весьма «выигрышными» с точки зрения выраженности эмотивной тональности и создания художественного образа оказываются переводы, в которых авторская эмотивная номинация трактуется посредством переводческой, а не разъясняется при помощи традиционной лексики – хотя, конечно, принятие подобных «переводческих решений» должно быть оправдано стилем оригинального текста. Распространенным способом повышения степени выраженности эмотивной

тональности (и, в некоторых случаях, средством компрессии русского высказывания и придания ему большей компактности по сравнению с английским) является использование суффиксов субъективного отношения – это весьма распространенное в русском языке морфологическое средство можно назвать одним из наиболее эффективных приемов при переводе английских эмотивных высказываний. Как показывает данное исследование, адекватным средством интерпретации авторских неологизмов, эмотивных фразовых глаголов, эмотивной инверсии и т.п. практически без исключения оказываются развернутые фразеологические обороты и устойчивые метафоры на языке перевода. Наконец, в исследовании выделяется ряд эмоциональных состояний, для маркировки которых оптимально подходят средства эмотивного синтаксиса русского языка, отсутствующие или малораспространенные в английском (безличные конструкции со значением эмоционального состояния и эллипсис подлежащего), и данные средства рекомендуются для интерпретации описаний подобных состояний.

3. В целом можно утверждать, что русскоязычные переводчики современной англоязычной литературы справляются с поставленной задачей, в большинстве случаев проявляя языковое чутье, выдерживая стиль оригинального произведения и иногда весьма находчиво оперируя русским языком – создавая новые, остроумные лексические формы. Говоря о недостатках их работы, следовало бы отметить встречающуюся временами небрежность в отношении смысловой части отдельных фрагментов текста оригинала и проявляющуюся иногда «робость» при интерпретации «труднопереводимых» элементов, из-за которой возникает ощущение некоторой формальности и сухости переведенного текста по сравнению с подлинником.

4. Сравнивая лексический и синтаксический уровни эмотивности с точки зрения перевода, можно сказать, что оба уровня могут и должны эффективно использоваться для достижения адекватности переводного текста. Проведенный анализ показывает, что лексический уровень, по

сравнению с синтаксическим, ставит перед переводчиком несколько более сложные задачи, невыполнение которых сильнее сказывается на качестве перевода, однако он же и предоставляет широкий репертуар средств для решения этих задач. Синтаксический уровень создает для переводчика трудности, в основном, за счет несовпадения конкретных средств эмотивности в языках оригинала и перевода, но, с другой стороны, это обстоятельство нередко приходит на помощь переводчику, поскольку при использовании в тексте перевода синтаксического средства, отсутствующего в языке оригинала, переводное высказывание может в отдельных случаях превзойти оригинальное по выразительности.

В Приложении содержатся дополнительные фрагменты из произведений англоязычных авторов и их переводы на русский язык, иллюстрирующие обсуждаемые в диссертации тенденции лексического и синтаксического эмотивного употребления языка в художественной литературе.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- 1. Стрельницкая Е.В. Лексические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов с английского языка на русский // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – №3. – С. 131-135.**
- 2. Стрельницкая Е.В. Синтаксические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов с английского языка на русский // Известия Санкт-Петербургского Университета Экономики и Финансов. Серия: Филология. – 2010. – №3 (63). – С. 53-59.**
3. Стрельницкая Е.В. Особенности эмотивной номинации в творчестве современных англоязычных писателей и способы художественного

перевода неологизмов // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», Москва, Филологический факультет МГУ им. Ломоносова, 13-17 апреля 2009 года: секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 294-295.

4. Стрельницкая Е.В. Эмотивная инверсия в современной англоязычной прозе и способы ее компенсации при переводе художественных текстов с английского языка на русский // Материалы международной научно-практической конференции «Образование в современном мире» – Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 21-24 сентября 2009 года: секция «Проблемы филологического образования» – Т. 2 – С. 289-296.